

ЧАСТЬ 1

Памяти педагога-музыканта
1-й музыкальной школы г. Севастополя
Марины Константиновны Чорба

Крымский

Девчонка стояла в дверях, вцепившись в мамину руку. Раскрашенные зелёной коленки, тощее тельце, даже рыжие косички уже готовы были бежать, но заполненные любопытством глаза удерживали всё это в комнате.

— Из какого мультика вы взяли эту девочку? — спросила я не менее напряжённую маму и выдвинула стул, убрав с него ноты и сумку. — Садитесь, пожалуйста. Я слушаю.

— Да вот мы, то есть я... подумала, — женщина замялась.

— Прежде всего, давайте познакомимся. Меня зовут Дарья Несторовна.

— Ольга Петровна. А дочка — Леночка. Женщина немного расслабилась.

— Вы хотите, чтобы Леночка училась играть на фортепиано?

— Ну-у, не знаю... Может, и на фортепьяно. Мы пришли посоветоваться, а у вас там такая приветливая дежурная. Говорит, зайдите к Дарье Несторовне, в седьмой кабинет. Вот мы, собственно, и...

Ольга Петровна оглянулась на дочку, тут же на всякий случай отступившую матери за спину.

— Лена, а Лена! — позвала я девчонку. — Как ты думаешь, я на серого волка похожа?

Она пару раз ковырнула ногтем спинку стула и ответила несколько задиристо:

— Нет!

— Тогда скажи, сколько тебе лет?

Над маминой головой взлетела довольно грязная врастопырку ладошка.

— Пять что ли?

— Только недавно исполнилось, — уточнила мать и попробовала вытянуть чадо из-за спины.

— Мамочка, да не трогайте вы эту девочку, — сказала я деланно безразличным голосом, — она теперь всё время будет за стулом жить.

— А вот и нет! — купилась Ленка и выскоцила из своего убежища.

Глаза матери потеплели.

— Егоза! — Она вздохнула. — Может, зря мы ваше время отнимаем... Это я подумала, что её нужно в музыкальную школу показать. Понимаете, она очень петь любит. — В голосе Ольги Петровны послышались непонятные мне извиняющиеся нотки.

— Так это очень хорошо!

— Нет, вы послушайте, — перебила она меня. — Вчера я пришла в садик Леночку забрать, а воспитательница говорит, что она в туалете сидит. Когда из группы вышли, я спрашиваю: «У тебя что, живот болел?» А Ленка мне сообщает, что теперь будет всё время до самой школы в туалете сидеть. Представляете?

— То есть как «в туалете»? Зачем?

— Оказывается, она захотела петь. А Леночка немножко упрямая. Если уж решила, своего, как правило, добивается. Конечно, кому понравится голосящий на всю группу ребёнок?! Петь её в туалет отправили.

— Там громче получается! — встягала «певица».

— Лена, не перебивай, — повысила голос мать. — В общем, оказалось, что она уже не один день в туалете концерты устраивает.

— Я там всегда пою, — уточнила Леночка.

— А мне споёшь? — спросила я, порядком обескураженная. Про туалетных певиц мне ещё слышать не приходилось.

— Нет! — последовал мгновенный ответ, и девчонка на всякий случай снова пододвинулась поближе к матери.

— Почему? — поинтересовалась я, прикидывая, как бы малышку прослушать.

— Я тебя не знаю.

— Так и я тебя не знаю. Делать-то что? А давай мы поступим так. — Я чуть потянула Леночку за юбку. —

Я тебе вот на этом красивом инструменте сыграю весёлую песенку, которую ты, скорее всего, не знаешь. А ты мне в обмен споёшь свою. Идёт?

Леночка подумала и кивнула.

Запела она чистенько, старательно дотягиваясь до самых высоких ноток. Страх оставил её на первой же фразе. Щёки зарумянились, пальцы перестали теребить край юбочки. К старательности добавилась особая выразительность, какой бывает отмечен любой музыкальный ребёнок.

Я смотрела на свою будущую ученицу, потихоньку влюблясь, как влюблялась в двенадцать учениц, составляющих сейчас мой класс. Представляла, как слушает она себя в гулком туалете... А перед глазами всё явственней проявлялось родное доброе лицо моей любимой учительницы Ирины Вениаминовны.

— Наша? — коснулась я её самым краешком сознания.
— Наша!

Играла вечером долго, самое любимое, пока позволяло время, когда-то очень давно отвоёванное у оказавшихся в конечном итоге терпеливыми соседей.

Расшевелила эта туалетная певица память! Вновь кольнуло укоризной невыполненное обещание, данное самой себе, записать, сохранить на бумаге образ Ирины Вениаминовны, посягнувшей много лет назад на неуют моего детства. Я, боясь передумать — сколько уже раз

бывало, — поспешно достала бумагу, карандаш, тут же его сломала, вытряхнула на диван содержимое сумки, в куче необходимых и давно ненужных вещей нашла шариковую ручку, села под настольной лампой и написала: «Она...»

Стоп, а почему «она»? Она — это я, маленькая, смешная и, наверное, жалкая я! С такими же, как у сегодняшней девчонки, светлыми косицами. И коленки, вроде бы, тоже были зелёные? Откуда же это желание писать от третьего лица? А впрочем, какая разница? Пусть — «она»...

Она сидела на корточках посреди площадки, коленями, плечами, подбородком прикрывая свою волшебную палочку. Пацаны и девчонки прыгали рядом, громко выкрикивая:

— Дашка ду-роч-ка! С пере-у-лоч-ка! Дашка ду-роч-ка!
С пере-у-лоч-ка!

Вообще-то можно было попытаться вскочить и убежать, но, во-первых, домой ещё не хотелось, а потом, они могли выхватить палочку. Поэтому она сидела, сжавшись в комок, и ждала, чем всё это закончится.

— Бедный ребёнок! — зашептались на скамейке бабушки. С одними она любила поговорить, других избегала. — Настасье совсем не до младшей. Нестору опять операцию назначили.

— Горе — оно горе и есть. А Дашка-то, поди, не в себе. Большая уже, осенью в школу.

— Да в какую её школу? Вон, нашла палку. Ходит и машет. С год машет.

— Не меньше. А вчера, слушайте, смотрю, в кустах стоит. Будто думает. Улыбается. Или прислушивается к чему. Я и чайку попила, и простирула кое-что, а она где была, там и стоит. И впрямь, видать, дурочка.

Соседки понимающие покивали, повздыхали.

— Её бы врачам показать, может, не поздно ещё.

— Ишь, подсказчица. А денег матери ты, что ли, дашь? Хорошие врачи теперь за так работать не желают.

— Девка и не одета толком. Одни обноски...

— Авдотья, а с Нестором-то как было? Ты с ними дверь в дверь.

— Я ж говорила уже. Науке неизвестно.

— А что ей, науке ентои, известно?

— Помните, какой поначалу-то был? Представительный. В МЧС¹-е работал. И дом полон, и девки старшие — умницы. А потом, после аварии этой окаянной, ну, когда химия повзрвалась, как слазили Нестора. Дашку, правда, родить ещё успели.

— Авдотья, как у него болезнь зовётся?

— Заковыристое что-то. Настасья говорила, да разве запомнишь. Научное название! — Авдотья порылась в памяти. — В общем, со всем организмом непорядок. Операция за операцией, а толку? И не мужик, и не отец.

Даша, не пропустившая ни одного слова, хотела им крикнуть, что папа — отец, вскочила, но ждавший послан-

¹ МЧС — Министерство чрезвычайных ситуаций. (Здесь и далее — прим. авт.)

бления обороны мальчишка тут же схватился за волшебную палочку. Дерево затрещало. Даша в ужасе разжал пальцы и пнула обидчика ногой.

— Отдай!

Пацан уклонился, засмеялся беззубо и отскочил подальше от бешеной девчонки, прямо в объятия дяди Лёши сына бабушки Авдотьи. Дядя Лёша ухватил мальчишку за руку.

— Так, Денис! Зачем Дашку обижаешь? Быстро отдал ей палку!

Пацан попытался вырваться, но держали его крепко. Прикинув, что в присутствии дяди Лёши ей ничто не угрожает, но после его ухода всё вернётся на круги своя — в последние дни облавы на дурочку Дашку стали любимым дворовым развлечением, — девчонка выхватила палочку и бросилась вон, поскорее и подальше от всех своих обидчиков.

Обогнув один дом, миновав второй и пробежав еще чуть-чуть, остановилась около старенькой трёхэтажки, полагая, что здесь её никто искать не станет. Над домом возвышалась огромная шелковица, к стволу которой привалилась дощатая крашеная скамейка. Даша присела. Прежде всего стоило убедиться, цела ли палочка. Она поднесла её к глазам, повертела, осторожно пробуя на изгиб, прислушалась. Затем удовлетворённо улыбнулась — цела!

Палочка была взаправду волшебной. Только почему-то этого никто не замечал. Даже мама. И сёстры тоже.

Сначала на палочку в семье внимания не обращали. Но когда увидели, что Даша перестала расставаться с ней даже во время сна, попытались отобрать. Вернее, отобрали. И спрятали. Предчувствуя сопротивление, выбросить странную игрушку мать побоялась. Даша проплакала ночь, утро и половину дня. К обеду у неё заболела и начала кружиться голова. Испуганная Настасья не стала испытывать судьбу, палочку отдала, не поверив, правда, что она волшебная.

— Зачем она тебе, Дашуня? — спросила и, не дождавшись ответа, ушла на кухню.

Даша вскочила с постели, куда её уложили поправлять нервы, хотела побежать за мамой и рассказать про палочку, но сестра Вика водворила её обратно.

А ей так хотелось рассказать! И как они с Аней и Викой пошли к Аниной подружке домой и там смотрели телевизор! И как ей было интересно, потому что своего телевизора у них не было. Вернее, он был, но давно сломался, когда Даша была ещё совсем маленькой, и теперь он стоял на веранде. Но его не чинили из-за нехватки денег и ещё потому, что папе требовалась тишина.

Сначала девочки смотрели какое-то кино, а потом пошли на кухню, совершенно забыв про сестру. Она, сидя на диване, несколько минут глядела на тёту, произносившую очень скучные слова, значения которых Даша ещё не понимала, потом, решив, что ничего страшного не

произойдёт, подошла к телевизору и нажала на кнопку примерно там, где это делала Анина подружка. Экран мигнул, тётя пропала, и Даша увидела... волшебника.

В том, что дяденька в чёрном, немного смешном пиджаке с хвостиком был волшебником, она не сомневалась ни минуты. Потому что в руке у него была настоящая волшебная палочка! А чем же она могла оказаться, если дяденька взмахивал ею, и одновременно с её движениями слушаясь их, в телевизоре получалась очень странная и до невозможности красивая музыка.

Сначала Даша замерла, боясь вспугнуть волшебника. Песни она, конечно же, слышала и многие знала наизусть. Но это, в телевизоре, было совсем другое. Оно проникало внутрь, и в Даше что-то начало отвечать на новые звуки безо всякой её воли. Волшебник взмахнул посильнее, музыка заискрилась, засмеялась, и Даша засмеялась тоже. Она подняла руку, полагая, что волшебник не обидится если она немного поучится у него волшебству. Музыка послушно пошла за Дашиными движениями.

Она училась на волшебницу ещё минуты четыре, пока в комнату не заглянула Вика:

— Дашуха, ты что притихла? Идём бутерброды трескать. С колбасой!

Даша хотела остановить сестру, испугавшись, что музыка собьётся, исчезнет. Но Вика решительно направилась к телевизору.

— Что за чушь ты слушаешь? Классика — это отстой для старичков и старушек!